

В уединенный выплавить свой дух

Юрий Малецкий. Убежище. Континент № 81

Юрий Кувалдин

Как-то в разговоре с Фазилем Искандером я сказал, что мне не нравятся те его вещи, что написаны от первого лица. Искандер ответил: «Мне кажется, что читатель больше верит в текст от первого лица». Я не согласился. Вопрос остался открытым. Ныне от первого лица написан каждый второй текст. На это обратил внимание Сергей Костырко, опубликовавший в № 6 «Нового мира» статью, которая так и называется — «От первого лица».

Не «я» в прозе, но «они» — вот мой идеал. Не «я» вошел в аллею на Патриарших, но Берлиоз и Бездомный, не «я» смотрю на божественное небо, но Болконский... А на меня идут — Я, Я, Я... Страшновато. И все эти «Я», подобно Искандеру, наверняка думают, что в их «я» поверят.

Я старый читатель «Континента», еще того, который сквозь железный занавес проникал из Парижа. Я помню повесть Юрия Лапидуса о смерти старухи («На очереди»), опубликованную, кажется, в 1984 году. Оказалось теперь, что Лапидус — это Юрий Малецкий. Его роман «Убежище», напечатанный уже в «Континенте» московском, я поначалу читать не хотел. Как увидел это «я», так и пролистал, не глядя, до религиозного раздела журнала. Почитав, лежа на диване, что-то чрезвычайно умное из сферы духа, вновь полистал журнал и внезапно выхватил фразу из Малецкого: «Красота языка, мелодия отголосков героев, свет интонаций, загибающий один краски рассказа и приглушающий другие, сами по себе имеют Божию санкцию, право на жизнь, ибо они есть правда и смысл, высказанные Им через нас, понятные до конца лишь Ему в причинах и целях своего происхождения на свет».

Открыл роман с начала. Оказывается, там — кавычки. Стало быть, думаю, Малецкий, прикрывшись этими кавычками, как бы пишет не от себя, не от своего «я», а от «я» другого. С этих кавычек я и втянулся в текст, потому что уж очень он мне показался занятым. Чем? Поисками убежища. Розанов написал свое «Уединенное». Уйти, убежать, спрятаться от себя подобных, чтобы, как писал Волошин: «...в годы

падения и разлуки // в уединенный выплавить свой дух // и выстрадать великое познание...»

Роман по устройству прост: публикатор публикует текст, который принесла ему жена автора-анонима, который в свою очередь находит пачку рукописей, из которых узнает о существовании писателя, который пишет о другом писателе, исчезнувшем из своей комнатки в коммунальной квартире.

Герой, от лица которого ведется повествование, вынужден покинуть город детства под давлением ГБ за сам- и тамиздат, он как бы с молодых ногтей «прибит» идеей поиска смысла жизни. А этот смысл отыскивается в тиши убежища, в уединении. Вот комната в коммуналке, из которой не хочется никуда уходить, потому что герой не в этой реальности, а во второй, в реальности духа. А за тонкой перегородкой тишина, сосед исчез и не появляется. Герой пропиливает в перегородке ход и находит в комнате соседа рукописи.

Герой читает рассказ «Селивохин и Кострецов». Разнообразно в пестроте своей стадо человеческое. Некто Селивохин — писатель. А друг его закадычный Кострецов — портной. Сидят выпивают; как и подобает, заводятся от простейших для русской компании вопросов: в чем истина? для чего писатель пишет — для денег, для славы, для вечности?

А что такое вечность? Птица-тройка с Селифаном на облучке? Селивохин — Селифан. Отзвуки великой поэмы. «Эй вы, други почтенные!» — кричит у Гоголя Селифан и поворачивает на первую перекрестную дорогу, мало помышляя о том, куда она приведет.

Любая дорога приведет к смерти, господа! Но и дана зацепка: сочини текст — быть может, потомки помнут. Издевка, обман? Как же это так, возмущается портной Кострецов, выпиваем на равных, а в вечность один Селивохин пойдет? Дудки! На листах под копирку Кострецов пишет о себе: родился, жил, шил штаны, желает в вечность. И разносит эти листочки по всем библиотекам Москвы, тайно вкладывая их в «нетленки» — в книги Толстого, Достоевского и др., кого в ближайшее время не спишут. Лет через сто кто-нибудь возьмет том, а там — обращение Кострецова! Бессмертие обеспечено.

Смертное тело, бессмертный текст? В том-то и дело, что у Малецкого текста не видно, ты — за текстом, в том

мире, который автор нам рисует. Неужели так можно писать в наши дни, когда фанерные тексты постмодернистов, минуя читателей (не для них же они пишут!), адресуются критикам, рассматривающим в микроскопы трупы слов?

Как странно звучит в наше время фраза: «Этот человек работает над собой». Роман Малецкого об этой странности. Герой работает над собой, выковырывает свой дух, становится терпимым, культурным, мудрым. И иногда из убежища в живую жизнь окунается, чтобы прокормиться, подзаработать. За прилавком встречает красавицу по форме, но непаханую целину по содержанию. И, как знаменитую Галатею, формирует ее. Прежде из ее изящных уст слетали человекоподобные слова: «ташусь», «по жизни я...», «прикол», «навар» и т. д. А через некоторое время, поскольку герой говорил с ней великолепным литературным языком, она стала употреблять обороты вроде: «Тебе это, может быть, покажется глупым, но я другого мнения...» Не так уж безнадежен путь культурного прогресса!

Мне, читателю, не скрою, хочется подражать герою в самосовершенствовании, и мне, как и ему, при чтении начинало казаться, что наше время обнажило истину о несостоятельности, ничемности каких-либо «тонких» и «глубоких» мыслей, убеждений, неправдивых знаний, равно как и людей, ими обладавших. Мне казалось, ничто не имеет значения, кроме денег и умения их делать. На поверхность с илистых низин вынырнули не люди, а головастики, расселись по «мерседесам», приватизировали все и вся, а нас, что-то там соображающих, ткнули каблучком, чтобы мы летели в тартарары. Животная стихия вырвалась наружу, мышицы с автоматами, стадо.

Цитирую слова героя: «Я чувствовал себя жалким нулем, недотыкомкой; и вот вдруг кто-то окликнул меня по имени в темноте, напоминая о том, что я не один такой, что мы, не зная друг друга, бредем в одной упряжке вброд через наше поганое время, через свободу грабить и быть ограбленным, бредем неведомо куда и зачем, но Куда-то, но Зачем-то. Значит, и я нужен, и я учтен, неслучаен, и без меня не обойдутся».

С этой точки зрения повествование от первого лица Юрия Малецкого я всецело принимаю, потому что это — лицо.